

Христа ради юродивый блаженный старец иерей Петр Томаницкий (ок. 1782 - †1866) был подвижником трагической судьбы. Будучи священником приходской церкви в Иерусалимской слободе города Углича, он подвергся настоящему гонению со стороны собственного причта, поскольку требовал бескорыстного и тщательного исполнения обязанностей. Конфликт этот продолжался несколько лет. Отца Петра пытались отравить, после чего он страдал расстройством психики. В конце концов это обстоятельство стало причиной его увольнения в 1814 году от должности и лишения священнической грамоты. После этого отец Петр уже не служил, но нес подвиг юродства, а с начала 1850-х годов — истарчества. Таким образом, духовное руководство в жизни отца Петра не совмещалось с духовническим служением: как лишенный священнической грамоты, права совершать таинства он не имел. Тяжкие жизненные испытания, выпавшие на его долю, сделали его опытным и глубоким руководителем. Очевидно, что отец Петр был исключительным явлением среди русских старцев, столь же исключительным, как и старец-мирянин Иван Иванович Троицкий (см. «БВ» №45).

А.Л. Беглов «Старчество в церковной традиции»

После смерти своего духовника - старца Адриана Югского, окормлял многих его духовных детей. Участвовал в основании Софийского и Благовещенского женских монастырей в г. Рыбинске и г. Бежецке.

Вот как описывает основание женского Благовещенского монастыря в г. Бежецке по благословению о.Петра протоиерей Иоанн Хильтов: «Кончилось сорок дней поминования по о. Адриане, и Бежецкая семья сестер, получив благословение о. Петра, возвратилась в свой град, а другия, с благословения его, поселились близ него в Угличе. Оставшаяся сестры в Угличе скоро подняли вопрос об устрой-

стве монастыря. Спросили о. Петра, и он благословил их на это. Немало употреблено было труда и времени на поиски места, годного для обители; наконец нашли его близ г. Рыбинска. С благословения о. Петра отправилась в Петербург старшая из Бежецких сестер Л.А. Осокова с некою Марию Михайловну. Она своею просьбою и ходатайством пред людьми сильными и облечеными властью направили это дело в желаемом для них смысле. Указом Святейшего Правительствующего Синода от 25 мая 1860 г. за № 2084 в Рыбинске был разрешен женский общежительный монастырь и посвящен имени Софии — Премудрости Божией. В него вошли первоначально все те сестры, которые были руководимы о. Адрианом и которыя, с благословения о. Петра, подписались под просьбою. Этой новой соединенной семье надлежало выбрать общую мать - настоятельницу. На вопрос, предложен-

Судьбы людские

характера и мужества для ея самой – видеть другую хозяйку и начальницу там, где она положила свои труды и свои материальные средства. Но все это она посильно перенесла. Она была убеждена, что это так и должно быть, и несла этот крест. Борьба партий под образом борьбы роев пчельных была ей предсказана еще о. Адрианом; конец ея образно и в тоже время слишком очевидно и для всех показал о. Петр. В то время, когда еще и Любовь Алексеевна с спутницею были только в С.-Петербурге по делу о разрешении монастыря, старица Матрена Ивановна, желая, так сказать, узнать, насколько там она успевают, посыпает одну из сестер к о. Петру, посмотреть, что будет батюшка делать. О. Петр, опросив ее, кто ее прислал, и получив ответ — «старушка», пригласил сесть; а сам дал бывшему у него в это время мужичку короткий железный посох и послал его в кузницу — «поди, что нибудь поделай над ним». Мужичок сделал только то, что раздвоил, разsek в длину, этот посох и приносит. «Эхе, брат», сказал о. Петр, «нешто-бы мне не хотелось так-то». Мужичок сказал: «батюшка, я поправлю»; на это он сказал: «не замай (местное выражение - значит - «не тронь»), так надо».

Посланная возвратилась и рассказала это старице. Та прямо истолковала этот образ так, что будет два

монастыря и в Рыбинске и Бежецке. Так и случилось.

Спустя недолгое время, после того как приехала новая настоятельница в Рыбинский монастырь, некоторые из сестер Бежецких пошли к о. Петру просить благословения - иди домой. Он спросил их: «ка что? — самое то остановили деньги-то делать? Садилась бы, да новая делала». Не понимая прямого смысла этих приточных слов старца, они спросили: «батюшка, новый монастырек что ли строить? «Да» ответил он: да где же? «В Бежецке», - и пророчески нарек Благовещенским, воспев: «благовестуй, земле, радость велию, хвалите небеса Божию славу». Несказанно обрадовались сему сестры - просительницы, поведали сие матери своей, и сами, напутствованные благословением, с надеждою на Бога отправились в свой град».

И.И.Хильтов. Историческая записка о Бежецком Благовещенском женском монастыре. Бежецк.1915.

На фото: Блаженный старец иерей Петр Томанский; Благовещенский жеский монастырь в начале XX в.; первоначальница и основательница монастыря игумения София (Осокова).

возбудили против нея строителя, и дело кончилось тем, что несмотря на представление местного архиепископа, на место настоятельницы в сей монастырь святейшим Синодом была назначена иная. Тяжела была борьба для матери Софии: много нужно было умения с ея стороны, чтобы сдерживать преданных ей сестер в пределах должностного повиновения новой настоятельнице; много нужно было иметь

Сочинения известного православного писателя Е. Поселянина (1870-1931) пользовались большой популярностью в дореволюционной России. Он - автор обширной галереи портретов русских подвижников христианской веры и церковной деятельности XIX века. Е. Поселянин был репрессирован и расстрелян 13 февраля 1931 г. в Москве.

Отец Петр родился в 1782 г., в семье причетника Якимовского погоста Угличского уезда. Воспитание он получил в Ярославской семинарии, и в 1807 г. рукоположен священником во Входо-Иерусалимскую церковь близ Углича.

В 1812 г., совершая литургию, о. Петр был испуган ложью вестью о приближении к Угличу французов, и с ним начались припадки падучей болезни. Около года пролечился он от этой болезни в Ярославле. В начале 1814 г. он снова заболел, и его поместили в дом умалищенных в Ярославле, а когда он вернулся в том же году домой, его отставили вследствие болезни от должности священника и отобрали священническую грамоту.

Но именно с этого времени начинается известность его как подвижника терпения и прозорливого. Он знал, что у каждого на сердце, и к нему за советом стекалось множество посетителей.

Болезнь все продолжалась, средства на лечение не было, и с согласия его жены, отец его задумал отправить его в Ярославскую градскую больницу. Долго не соглашался на это о. Петр, но дело получило неожиданный оборот. Полицейский чиновник, тайший месть на о. Петра, который раз обличил его, поймал его на дороге, привел в полицейский дом и жестоко наказал розгами.

По утру этого дня о. Петр, поднявшись от сна, сказал своей жене: «Ксения Ивановна, какая ныне баня мне будет славная!» А, когда она ему возразила: «Что ты, батюшка, давна ли парился?» - он подтвердил: «Жарка буде баня!»

Граждане угличские сочли себя жестоко оскорбленными этим поступком с о. Петром. Они начали дело. Назначено было по Высочайшему повелению следствие. Против воли о. Петр был вызван в Ярославль для дачи показаний. Но он ничего не отвечал на предложенные вопросы, только пропел тропарь Преображению Господню. Затем о. Петр был оставлен в Ярославле для освидетельствования его болезни и опять помещен в дом умалищенных. Обращались здесь с ним жестоко. Наконец, по ходатайству родственников и при помощи расположенных к о. Петру угличских граждан, было получено разрешение начальства водворить его на родину. Он оставался здесь до конца жизни.

Слава о его прозорливости и мудрости духовной все распространялась, и к нему шло множество посетителей из самых разнородных слоев общества. Иногда приходили к нему с дурными намерениями и ради праздного любопытства вызывали его на спор, смеялись над ним. Он или молчал или обличал их, высказывая их тайные дурные дела, намерения и мысли. Когда эти обличения не вызывали в посетителях раскаяния, он начинал кричать, рвать на себе волосы, раздирать рубашку. Иногда, предсказывая пожар, он бегал полуобнаженным по тем улицам, где будет пожар. За это полиция его преследовала.

Чтобы удержать его от таких поступков, вредных для его здоровья и навлекавших на него месть обличаемых, родные в течение 15 лет приковывали его к стене, чему он не противился. Иногда он даже сам, чувствуя сильное душевное волнение, просил домашних связать себя или сам приковывал себя к стене.

Входоиерусалимская слобода г. Углича от деревни Горки. Фото 1910 года.

Евгений Поселянин Священник Петр (города Углича)

С людьми, относившимися к нему искренне, о. Петр обращался ласково и предупредительно; предваряя их вопросы, предсказывал им успехи или неудачи в их делах, давал им духовные советы и наставления. К тем, кто ехал издалека, он выходил далеко на встречу, прежде чем его о них предваряли, объявляя им, зачем они приехали, и давал им нужный совет или предостережение.

Иногда пред посетителями он говорил, не обращаясь ни к кому лично, а точно к постороннему, ему одному видимому лицу. Слушатели ловили в его речах то, что относилось к ним, изумляясь его прозорливости. Не одними словами, но и знаками он вразумлял приходящих, возлагая разные послания. Так, одного о. Петр посыпал в кузницу сковать вещь, кому принести что-нибудь с недалекого берега Волги. Иных заставлял при себе читать, петь, писать, или давал какие-нибудь маленькие работы, все имеющие назидательное значение. Сам он любил выделять разные вещи из дерева, камня и железа и раздавал их посетителям вместо ответов на вопросы и недоумения. С достойнейшими о. Петр любил петь церковные песни, особенно же «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Когда посетители приносили о. Петру деньги и вещи, нужные в хозяйстве, он предугадывал, кто принес к нему с усердием и приобретенное честным трудом. Иначе он совсем не принимал их и даже ценные вещи бросал в печь. Он обличал в недобросовестности людей, которым было поручено передать ему вещи и которые или утаивали их у себя или приносили из дома только часть их. Все получаемое о. Петр раздавал бедным, а остатки лишь домашним, которые его на это и содержали. Жизнь о. Петр всегда вел суровую, спал не на кровати, а на простой лавке, подкладывая себе под голову кирпич. Чтобы

лишить чай приятного вкуса, клал в чашку прядь льна.

На 85-м году закончилась подвижническая и многострадальная жизнь о. Петра Алексеевича Томаницкого. Он скончался в начале сентября 1866 года, напутствованный Св. Тайнами. У гроба служились по желанию граждан непрерывные панихиды, при самом многолюдном стечении народа. Для погребения тело привезено было, как то завещал покойный, в Рыбинск, в женский Софийский монастырь. Этот монастырь был устроен по предсказанию, наставлению и благословлению о. Петра. Погребальное шествие было торжественно встречено заставою крестным ходом.

В день погребения знаменитый проповедник о. Родион Путятин произнес следующее слово:

«Вместо последнего целования, приходите, братие и сестры, отадим наш поклон умершему отцу Петру и помолимся о упокоении души его.

Редкие из людей пользуются таким почтением, каким пользовался покойный о. Петр, которого гроб теперь перед нами, - очень редкие.

В последние сорок лет девяностолетней его жизни, у него, может быть, до сотни тысяч перебывало народа людей всякого звания, состояния, образования. И приходили к нему не близкие только, но и из дальних мест, и приходили не за советом только и наставлением, а просто так - только взглянуть на него,

только посидеть у него, поклониться ему, получить благословение от него.

А какое к нему почтение, теперь умершему. Как святыню встретили здесь его гроб, и как отца своего родного стеклись все проводить его в могилу.

Чем заслужил он такое почтение? Что заставляло всех особенно прибегать к нему за советами, за наставлениями, за утешениями? Думаю, тем, что он был человеком большого ума, далеко видел, был прозорлив. Да, он был одарен прозорливостью, дальновидностью. Он знал, что кому сказать, как сказать; знал, кого к себе принять, кому отказать, знал, когда перед кем ему молчать, когда перед кем ему говорить. И потому-то он и молчанием своим говорил поучение и отказом своим давал вразумление.

При такой прозорливости, дальновидности, он всегда, можно сказать, днем и ночью, имел в мыслях одно: что одно? - Чтобы всякого приходящего чему-нибудь научить, чем-нибудь вразумить, каким-нибудь и чем-нибудь утешить, успокоить. От того-то он мало говорил, а больше молчал, слушая и обдумывая. Дальневидных людей на свете немало, но те далековидящие смотрят вдаль для того, чтобы как-нибудь поскорее, прежде других что добыть, получить для себя, чем воспользоваться, заработать. А покойный о. Петр, забывая себя и свое, зорко всматривался во все, внимательно вслушивался всегда - для того только, чтобы другим понужнее, пополезнее что сказать, других повернее как вразумить, наставить, поскорее утешить, получше успокоить.

Так поминайте иереха Петра, и ради него Господь помянет вас. Аминь».

И счезнувшая под стройками социализма Иерусалимская слобода находилась поблизости от Углича. Там в своей приходской церкви отец Петр совершил литургию. Вдруг кто-то закричал истошным голосом: «Наполеон входит в Углич!» Как потом ни искали, ни допытывались, человека этого отыскать не могли. Он точно сквозь землю провалился. Начался такой переполох, что литургию прервали. А отец Петр, как сказано в старинном жизнеописании, впав в испугание, готов был «разить всех». Члены притча и до этого его не раз оговаривали перед начальством и даже бивали за правдолюбие. Тут, торопясь поквитаться еще раз, они набросились на священника, поколотили и, приведя домой, посадили его на цепь. Он вел себя как помешанный. Родные повезли его в Ярославль, в больницу для умалишенных. Там он быстро пришел в себя и вскоре, вернувшись в Иерусалимскую слободу, стал снова служить в своей церкви. Но не прошло и года, как судьба преподнесла ему новые испытания.

Как-то дьякон Дмитрий Марков позвал отца Петра к себе в гости, чтобы помириться. Говорил даже, что он будет выпрашивать прощение за все принесенные обиды. После таких речей дьякон поднес гостю чашу с вином. Отец Петр поглядел в чашу и вдруг сказал: «Сперва тебе надо выпить!» Дьякон побледнел, как уличенный отравитель. Тогда, переждав, отец Петр перекрестился и с молитвой выпил. Отрава на него не подействовала, но вскоре родные опять обнаружили в его поведении, как они считали, признаки душевного расстройства.

Была ли эта болезнь вызвана ядом? Да и вовсе была ли она настоящей? Скорее всего, отец Петр напускал ее на себя, скрывая «неистовство» те сложные и печальные мысли, что вызывали у него носители зла. Он взял за правило всем все прощать - и побои, и оговоры, и даже попытки убийства. При этом часто просил жену: «Оксиня, прикуй меня на цепь».

Когда он содержался в Ярославле в доме умалишенных, его продолжали истязать. Сторож, например, бичевал прямо при родственниках. Одна угличская мещанка, пришедшая навестить его, сказала ему: «В какой вы неволе здесь, батюшка! Что досталось на вашу долю!» На это отец Петр закричал ей: «Не тужи сова о сове, а тужи сама о себе; нечего меня жалеть, сама сюда попадешь». Посетительница подумала, что отец Петр не в своем уме и потому говорит так. Но через несколько лет от тифозной горячки она впала в нервную болезнь с буйством, и четыре месяца ее лечили в этой больнице.

В 1814 году духовное начальство официально признало его помешанным и уволило с должности приходского священника.

Когда через 52 года тело его при большом стечении народа будут провожать в последний путь из Углича, почитатели пришлют усопшему старцу богатое священническое облачение. Такого, уточнил биограф, он при жизни никогда не нашивал. И правда восторжествует. Народ узнает, кто был подлинно безумен - отец Петр или те, кто терзали его бичами и розгами.

Пройдя через все испытания, терпеливец обрел святой дар прозорливости. Сначала близкие, а потом и дальние все чаще убеждались в этом. Он предсказал, например, пожар, от которого сильно пострадала Иерусалимская слобода.

Однажды жена о. Петра, Ксения Ивановна, собралась в Углич, отстоящий в версте от Иерусалимской слободы, где они жили. О. Петр сказал ей: «Не ходила бы нынче в город, неравно пожар будет».

Не обратив внимания на эти слова, она ушла, но, дойдя уж до городского рынка, почувствовала тоску. Вспомнилась ей тут сло-

проницательный. Любил подолгу молиться в уединенных местах на берегу Волги. С годами отношение к старцу настолько переменилось, что даже прежние враги стали приходить к нему за советом. Он им охотно помогал.

В мае холерного 1848 года, возвращаясь с женой из Рыбинска от родни, старец вдруг запел по дороге: «Со святыми упокой!» «Кого ты хоронишь?» - удивилась Оксинья. «Да хоть тебя», - ответил отец Петр. Уже на другой день после приезда в Углич жена заболела холерой и умерла.

Современные исследователи указывают на то, что он предвидел будущую судьбу России, крестный путь православной церкви. А на вопросы, как этого избежать, отвечал, что такие испытания предопределены нам Господом: «Ничем не помочь, надо молиться». Разные эсхатологические веяния о грядущей бесовской силе, которая будет править в России, бытовали в народе. Не образ ли этих грядущих испытаний предвидел бла-

женный старец Петр, когда кто-то в храме выкрикнул странные слова о Наполеоне?..

За несколько дней до смерти он сказал родным, что надо приготовлять гроб. «Для кого же?» - удивился внук. «Да хоть для меня», - последовал ответ. Умер Петр Томаницкий 3 сентября 1866 года.

При великом стечении народа панихида по нему не умолкали шесть дней. Угличане теперь считали его своим, но по воле старца тело его было перенесено в Рыбинск.

Жители Иерусалимской слободы впятались в погребальную колесницу и тронулись в путь под колокольный звон. В Рыбинске в монастырском Софийском соборе встречать усопшего собралось все местное духовенство. Там он и

погребен.

Во второй половине тридцатых годов минувшего века, когда началось строительство Угличского водохранилища, жители были расселены из зоны затопления и древняя Иерусалимская слобода исчезла с лица земли. Старец и тут предвидел трагический исход и поэтому, несмотря на несогласие угличан, нашел свой вечный покой в другом городе на Волге.

Жизнь и деяния прозорливого старца отца Петра Томаницкого, заштатного священника в слободе Входо-Иерусалимской, близ города Углича. Ярославль, 1886; Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII-XIX вв. Сентябрь. М., 1909 (переиздание: Козельск, 1994). - С. 19-61.

